

2. Блэк М. Метафора//Теория метафоры./Под ред. Н.Д.Арутюновой. М.: Прогресс, 1990.— С.153-172.
3. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.23. Когнитивные аспекты языка.— М.: Прогресс, 1988.— С.281-309.
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*.— Chicago: University of Chicago Press, 1980.
5. Lakoff G., Turner M. *More than Cool Reason*.— Chicago: University of Chicago Press, 1989.
6. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things*.— Chicago: University of Chicago Press, 1987.
7. <http://www.metaphor.narod.ru/review/nietzsche.htm>.
8. <http://www.ozersk.ru/philosophy/ro2/kuter.ro2.shtml>.

О.Д.ДВОРНИК
г. Белгород

ВЕРБАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ФОРМА КОММУНИКАТИВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Объектом исследования данной работы являются глаголы речи и говорения. Речь традиционно рассматривается как глобальная проблема в сфере научного знания. Именно речи принадлежит основополагающая роль в становлении человеческого сознания, в организации высших человеческих функций, в генезисе мышления, в осуществлении коммуникативной деятельности человека, в развитии человеческой личности.

Изучение речи (языка) имеет давние и прочные научные традиции. И именно в контексте лингвистических исследований впервые были представлены вопросы об активной деятельностной природе языка, его связи с духовной деятельностью индивида и духом народа [Гумбольдт, 1820], самого разграничения понятий „языка” как системы знаков, потенциального, социального образования и „речи” как „акта индивидуального пользования языком” [Соссюр, 1907-1910]; дифференциации „смысла” и „значения”, „денотации (денотата)” — „коннотации (коннотата)” [Фреге, 1892] и др. существенные вопросы.

Факт возникновения и развития проблемы речь (язык) в недрах лингвистики обусловил первоначальное, узколингвистическое определение речи как „языка в действии”, как деятельность выражения сообщения, воздействия. Существенно, что во второй половине XX столетия лингвистика опять „психологизируется”, а психология речи рассматривает языковые явления в единстве речь-язык, особенно, психолингвистических и нейролингвистических исследованиях.

Собственно, психологическая разработка речи (языка) началась на рубеже XIX–XX веков в Вюрцбургской школе в ходе исследования процесса мышления (О.Кюльне, И.Марбе). Наряду с одним из теоретических выводов вюрцбуржцев о существовании „не наглядного знания” вне обра-

зов и слов, сложился другой вывод, относящийся преимущественно к речи. Он заключался в том, что вербализация есть форма презентации мыслительной деятельности человека. Тем самым, речь, выступая в роли материала исследования, осела в основной проблематике мышления, не выходя, однако, за его рамки и не отождествляя те же методологические основы ее анализа, что и анализ мышления. Более того, в первой четверти XX века образовался определенный застой в исследовании мышления, что в свою очередь задержало исследование и изучение речи с психологических позиций. Здесь необходимо отметить еще одно разграничение, теоретически зафиксированное в бихевиоризме Уотсона, определив формулу: „говорение (речь) есть делание (doing), т.е. поведение” [Watson, 1930].

На долгое время данная формула и определила поведенческое толкование речи как специфической формы реагирования. И в то же время в психоаналитическом направлении психологии речь выступает не только как материала наблюдения за мышлением, но и как материал изучения бессознательного. Возникла реальная необходимость создания исследовательского направления изучающего саму речь, как специфически человеческую форму выражения мыслей, чувств, волеизъявлений посредством языка, а тем более процесс понимания, интерпретации воспринимаемого устного и письменного сообщения. Самостоятельным предметом общепсихологического исследования речь становится в 30-е годы с появлением фундаментальной работы Л.С. Выготского „Мышление и речь” (1934) в нашей стране и работы К.Бюлера (1922) и А.Гардинера „Теория речи и языка” (1932) в Америке. Л.С. Выготский впервые исследовал процессы порождения речевого высказывания, раскрывая внутреннюю, смысловую и внешнюю, физическую сторону в общем контексте деятельности и общения человека.

Первой проблемой, с которой столкнулась методология психолингвистики, является разграничение понятий „речь” и „речевая деятельность”. Речь определяется как „способ формирования и формулирования мысли посредством языка” [Леонтьев, 1969], при этом понятие речь и язык не отождествляются. Напротив, „язык не есть тоже самое, что и речь” [Косериу, 1963], и это не просто реализация и манифестация языка, а „форма существования сознания” [Рубинштейн, 1959], служащая для общения с другими людьми. При этом, следует отметить, что в психологии не существовало да и по сей день не существует четкого определения деятельности.

Теория деятельности характеризуется активностью взаимодействия индивида с окружающей средой (в отличии от теорий элементаризма и функционализма) и определяет последовательно-детерминирующее становление психических процессов посредством взаимодействия человека с объективной реальностью, внешним миром. Данная теория рассматривает эволюционный процесс становления человеческого сознания „не как нечто прибавляющееся к жизни, но как своеобразную форму проявления жизни, необходимо возник-

кающую в ходе ее развития” [Леонтьев, 1959]. Важным моментом данной теории также является изменение характера законов, определяющих развитие психики человека, когда „законы биологической эволюции мира животного” начинают подчиняться законам общественно-исторического развития мира человеческого. Ведущей деятельностью в различных формах ее проявления А.Н. Леонтьев определяет общественно-производственную, которая в свою очередь состоит из трех взаимообуславливающих друг друга сфер: познавательной (индивидуально-психической) общественно-производственной и коммуникативно-общественной, причем последняя включает в себя все формы информационного взаимодействия людей: вербальную форму и невербальную — жесты, мимику, системы знаков, пантомимические движения и т.д. Причем, следует отметить, что специфическая человеческая деятельность во всех ее проявлениях опосредуется специфической формой отражения действительности, которая в известном смысле и формирует окружающую действительность отдельного конкретного индивида — т.е. речью. Опосредуя человеческую деятельность, речь выступает не только как способ формулирования мысли, но и как условие формирования последней, и выступает основной сущностью деятельности общения. Так как основной целью общения является обмен информацией, который мы в праве рассматривать как „форму активного взаимодействия людей в процессе более широкой сознательной деятельности” [Зимняя, 2001], общение приобретает значение „особого вида деятельности, имеющего собственную мотивацию” [Леонтьев, 1959], и вызывающего „определенные, не менее реальные изменения в окружающей среде, чем материальная, трудовая деятельность людей” [Анциферова, 1969].

Рассматриваемая нами форма коммуникативно-общественной деятельности — вербальное общение, представляет собой взаимодействие индивидов „при помощи речи как способа формирования и формулирования языка” [Зимняя, 2001]. Человек начинает говорить в результате того, что у него возникает потребность в передаче информации другому человеку либо группе лиц. Данная потребность актуализируется в мотиве, и осуществляется на различных уровнях воздействия в сфере коммуникативно-общественной деятельности. Другой существенной частью акта вербального общения является конкретный внутренний план конкретного высказывания, представляющий собой некоторое подобие матрицы в виде свернутых, глубоко структурированных мыслительных операций по программированию и формированию речевого высказывания. Два данных условия (мотив и внутренний план высказывания) обеспечивают наконец исполнение акта говорения, который реализуется в производстве членораздельных звуков и является функцией специально сформированного в процессе эволюции речевого аппарата человека.

Таким образом, говорение представляется нам актом реализованной потребности выражения мысли, являющееся несомненно самостоятельной

деятельностью в сфере коммуникативно-общественной деятельности людей.

Именно деятельный подход к речи позволил А.А. Леонтьеву определить позицию речи в общей системе интеллектуального акта, рассмотреть саму структуру речевого воздействия и установить его основное условие реализации — мотивированную целевую установку. Как уже говорилось ранее, речевая деятельность понимается нами как специфическая форма человеческой деятельности, как ее самостоятельный вид, ядром и направляющей силой которой является необходимость (потребность). Эта потребность, становится внутренним коммуникативно-познавательным мотивом, той определяющей характера, структуры и динамики речевой деятельности, условием „включения” и осуществление которой является наличие мысли — предмета речевой деятельности.

Описав необходимые условия осуществления вербализации мысли, мы, в контексте данной работы, хотели бы обратить внимание на внутреннюю сторону данного процесса и поподробнее остановиться на механизме озвучивания мысли (в данном случае мы говорим только о говорении, так как существуют различные виды речевой деятельности — слушание, чтение, письмо, характеризующиеся своими конкретными особенностями, о которых мы поговорим чуть позже).

Говорение — это многоплановый и сложный феномен. Предметом данного явления, как уже говорилось, выступает мысль — как воспринимаемая в сознании человека картина связей и отношений реального мира. Так как этот предмет идеально определяет специфический характер деятельности и его цель, а именно — выражение мысли. А специфика мысли, в свою очередь, заключается в том, что она „раскрывается в самом процессе говорения” [Зимняя, 2001], в результате установления и реализации всех смысловых связей высказывания. Данная система еще раз подтверждает то положение, что язык либо языковая система является *средством* существования, формирования и выражения данной мысли. Речь же, в данном случае, можно определить как *способ* формирования и формулирования мысли, который может быть представлен разнопланово в различных видах речевой деятельности, но является проявлением единой вербально — коммуникативной функции человека. Данная функция специфична по своему характеру, проявляясь в неразрывной связи и взаимообусловленности двух высших системных функций человека: мышления и памяти, где первое (мышление) играет определяющую роль.

В данном контексте мы можем определить мышление как специфическую способность человеческой психики отражать окружающую действительность в ее связях и отношениях. Важно также отметить, что способ и средство существования данной способности (язык и речь) тоже весьма специфичны. При помощи и посредством языка формируется понятийная система человека (систематизация и обобщение явлений отраженного объ-

сктивного мира) и мысль, формулирующаяся в процессе производства речи — говорения (письма). Именно речь определяет опосредовательный вербальный характер коммуникативной функции и ее цель.

Однако почти все эксплицитные схемы общения сводятся к схеме „говорящий — слушающий ($G_1 \rightarrow C_2$)”, то есть и однонаправленности и односторонности коммуникативного акта, который рассматривается не как само общение, а как его факт. В данной схеме присутствуют 2-а субъекта, один из которых, используя язык, передает другому свои мысли и чувства (информацию), а второй — распознает данную информацию, воспринимая ее в знаковой системе конкретного языка, и понимает то, что хочет сказать ему собеседник. Говорящий в данной схеме выступает как активный субъект, хотя другой не менее „потенциально”, внутренне активно воспринимает передаваемую ему информацию. Необходимым условием осуществления общения в данной схеме (и не только в данной схеме, а вообще) является взаимопонимание, которое имплицитно взаимное общение. Поэтому, имеет смысл представить общение как процесс обмена мыслями, по схеме $G_1 \leftrightarrow G_2$, где говорение следует рассматривать как самоосуществление общения, как процесс внешнего выражения способа формирования и формулирования мысли посредством языка. При рассмотрении этих двух процессов становится ясно, что говорение носит самостоятельный, активный характер, когда слушание выполняет вспомогательную роль условия общения.

Говорение и филогенетически и онтогенетически возникает в результате того, что у людей организуется потребность передать друг другу какие-то мысли и чувства (информацию). Данная потребность объективируется в мотиве, определяя осознание цели говорения как воздействия на других людей в сфере коммуникативно-общественной деятельности. Исполнительная часть говорения носит ярко выраженный внешний характер и реализуется в артикуляции, которая представляет собой последовательное производство членораздельных звуков и, является функцией речевого аппарата, специально сформированного в процессе эволюции. Однако у процесса говорения есть и „аналитико-синтетическая часть” [Рубинштейн, 1989], представленная в виде свернутых, глубоко структурированных умственных действий внутреннего плана речи по программированию речевого высказывания.

Говорение имеет свой предмет — выражение мысли. В его основе лежит потребность, сообщение некой информации, передачи чувств и эмоций. Результатом говорения является ответное действие участника общения (выраженное либо эксплицитно, либо имплицитно). Специфика самого результата либо продукта говорения заключается в том, что он организует деятельность других людей, являясь связующим их общения звеном.

Все выше изложенное позволяет нам сделать вывод о том, что гово-

рение представляет собой самостоятельную, внешне выраженную деятельность в сфере коммуникативно — общественной деятельности людей.

Литература

1. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования.— М., 1956.— 519с.
2. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на развитие человеческого рода // История языкознания в очерках и извлечениях / Ред. В.А. Звегинцев.— М., 1964.— Ч.1.
3. Зимняя И.А. Лингво-психология речевой деятельности.— Воронеж, 2001.— 429с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность.— М., 1977.— 304 с.
5. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования.— М., 1958.— 315с.
6. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. Курс общей лингвистики.— М., 1977.— 420с.
7. Watson J.B. Behaviorism.— Chicago, 1930.

Т.Д.ДЬЯЧЕНКО

г. Белгород

СЕМАНТИКА АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ, АКТИВИЗИРУЮЩИХ ФРЕЙМ „ПОТРЕБЛЕНИЕ ПИЩИ И ЖИДКОСТИ”

В последнее время в исследованиях семантики тематически родственных глаголов все чаще обращаются к понятию фрейма как структуры данных для представления стереотипной ситуации. Такой подход обусловлен, в первую тем, что глаголы с общим системным значением являются представителями „некоторой единой схематизации опыта или некоторого знания” [Филлмор, 1988].

Анализ семантики тематически родственных глаголов в рамках фрейма как структуры для представления знаний основан на том, что семантика глагола есть нечто более сложное, чем обозначение действия, процесса или состояния. Она способна представлять целую ситуацию обобщенно, при этом процессы, действия, отношения обычно воспринимаются одновременно с предметами, явлениями, событиями, которые от них неотделимы. Лексическое значение, таким образом, задает конфигурацию, количество и обобщенные семантические признаки участников соответствующей ситуации.

В настоящее время освещение различными авторами проблемы фреймов как структуры для хранения и переработки информации привело к появлению новой терминологической парадигмы, при этом само понятие фрейма получило большое количество трактовок, подчас довольно противоречивых.

В данной статье мы будем, вслед за В.З. Демьянковым и Н.Н. Болдыревым, именовать фреймом объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой „пакет” информации, знания о стереотипной ситуации, структуру данных для представления стереотипной ситуации, где вершинные